

ЛУГАНСКАЯ Народная Республика, август 2024-го. Наш штурмовой отряд едет в тыловой лагерь в Краснянке. Два армейских "Урала", командирский "Ахмат" и БТР огромными колёсами гулко и монотонно считают километры новой асфальтированной дороги, словно иголка с ниткой, нанизавшей поселения Новороссии. Первое дело на войне — дорога. Поэтому сразу после возвращения многострадальных республик в родную гавань государство безотлагательно взялось за восстановление артерий, питающих жизнью новые регионы и смертью эту страшную войну.

Мы сидим вповалку в кузове "Урала", вперемешку с оружием, броней и рд-шками — военными рюкзаками. Взрослые мужики, бросившие вызов судьбе, каждый по своей причине, мы стали друг для друга новой семьёй. Нас несколько десятков человек — рота. Все новички, православные. Много курим и мало говорим. Две изнурительные недели на тренировочном полигоне остались позади, но облегчения нет — мы все чувствуем неумолимо приближающуюся чёрную тучу из боли и страха, что ожидает нас. Потому больше молчим.

Каждый о своём, и все вместе — об общем.

Съехали на грунтовку. Кузов наполнился песчаным туманом, зачесались глаза, заскрипели зубы. Балаклавы не спасают. Наш грузовик, словно встретивший шторм корабль, качается на песчаных дюнах соснового бора, осыпает нас брызгами из кремниевой пыли, покрывающей с головы до ног.

Приехали. Тыловой лагерь штурмового отряда прячется в лесу — два десятка "блинчиков" (блиндажи), РАВ-склад (склад ракетно-артиллерийского вооружения), капоныры для транспорта под маскировочными сетями. С высокого борта военного грузовика легко прыгать в зыбкий песок, но после долгой дороги ноги затекли, болят и плохо слушаются. В армии быстро перестаёшь обращать внимание на боль. Теперь это твоя самая верная подруга, она никогда не подведёт, не оставит.

Выгрузились. Построение. Крупный лысый лейтенант — врио командира отряда — ведёт перекурку... Внезапно перед строем возникает молодой парень. Высокий, худощавый, лет

тридцати. Короткие тёмные волосы, слегка вздёрнутый нос и обезоруживающая улыбка.

— Ребята, молитесь пресвятой Богородице, она вас защитит... Не ругайтесь матом, не надо... Молитесь... Она вас укрепит, поможет... Вот, возьмите, возьмите!..

И странный паренёк начал раздавать всем маленькие ламинированные бумажные изображения святых и тряпичные пояса с псалмом "Живый в помощи Вышняго..." То ли в шутку, то ли всерьёз, мы называли их "бронезилеты". Кто православные, так почти все их носят. Мужики брали иконы, пояса, иные крестилсы, благодарили, расходясь по "блинчикам". Тем простодушным и благожелательным пареньком оказался механик-водитель БТРа из нашего отряда, именем Алексей, позывной "Струна".

Потом было БЗ. Девять дней кромешного штурмового ада в лесополках Луганщины. Трех — всех, кто вернулся, и меня в том числе, — назначили командирами взводов. На следующий день после возвращения с задания мы уже ехали за пополнением на полигон в "Можно". Два пустых "Урала", командирский "Ахмат" и БТР гулко отсчитывали километры по новым гладким дорогам Новороссии. Покачиваясь в такт с грузовиком, я думал о том, что даже если каждому километру дороги в этой новой стране присвоить имя героя, который не вернулся домой, то никаких дорог и никаких километров у нас не хватит для этого. Слишком много у нас героев! Невероятно много!

Спустя ещё несколько дней — обратный путь. Снова полные кузова машин, хмурые лица, табачный дым. Короткая остановка в Барваровке у "чипка"-магазинчика. Мужики выстроились в очередь, кто-то побежал по нужде за угол. Через дорогу от магазина, чуть на пригорке, храм с высокой колокольней. Это Свято-Ильинский мужской монастырь. Он тоже теперь ветеран, как и мы — стены в шрамах от осколков снарядов, купола в чёрном трауре. Только кресты блестят на солнце, призывая не падать духом. Монастырь в прошлый раз я заприметил и надеялся заглянуть, если остановимся.

Пока народ скупался, бегом в храм. Ворота, цветочная клумба, поклон. Меня обволакивает прохладным покоем с запахом

ладана. Внутри никого. Тишина. Я попадаю в совершенно иной мир, где так красиво и безопасно. Время остановилось, перестало существовать. Напротив входа, на одной из колонн храма, — огромный лик "Спаса". Тело начинает сотрясаться в безудержном плаче. Это не горе, не жалость, не крик о помощи. Это всё, что накапливалось в течение последних недель, стремительно вырвалось наружу, сломав запреты, разрушив границы. Всего пара минут. Теперь пора возвращаться. Границей между раем и адом для меня стал порог этого храма. Вoleвым усилием я переступаю порог, надеваю маску отрешённости на высохшие слёзы и в этот момент сталкиваюсь со Струной. Его обезоруживающая улыбка приносит утешение. Здравоемся.

СТРУНА

Рассказ

С Алексеем на полигоне или в лагере мы иногда встречались, но редко. Приятный в общении, очень дружелюбный, искренне верующий человек. Вроде бы холостой, детей нет. Его неизменной особенностью, которая нас забавляла, но никогда не оставляла равнодушной, были короткие проповеди о вреде ругательства. Каждый раз, когда он оказывался среди людей, он с чувством и неизменной обезоруживающей улыбкой убеждал: — Матерная брань — это козни дьявольские... Не надо ругаться! Не оксверняйте себя... Молитесь лучше Богородице, она защитит, поможет...

И всё в таком духе. Мы слушали, кивали, улыбались. Я к нему проникся искренней симпатией, чувствовалась родная душа, и потому всякий раз, когда мы встречались накоротке, старался перекинуться словечком, и оттого становилось тепло, радостно. Не знаю, почему так. Вот и сейчас...

— Привет, Монах! Ну что, помолился, хорошо там?!

— Хорошо... Здорово, Струна! Спаси, Господи! Как сам?!

— Да нормально, скоро трогаемся... мало время... побегу приложиться...

— Ну, давай, давай!

Струна зашёл в храм, а я торопливо побежал в магазин, где купил всем парням из своего взвода мороженое. Наверное, и дети не всегда так радуются неожиданному подарку, как взрослые мужики в тот раз... Спаси, Господи!

ПРИ ПОДГОТОВКЕ штурма села Н... командиров взводов собрали на КП полка. С нами были мехводы БТРов и танков. В этот раз решил нарушить привычную тактику постепенного захода малыми группами и штурмовать населённый пункт стремительно, на "броне". Рассчитывали на эффект неожиданности, поскольку для подобных действий тяжёлая техника уже не применялась — слишком лёгкая цель для дронов. Командование

решило сделать на это ставку. Прорабатывали маршруты, обсуждали детали операции. Струна тоже присутствовал, но был неожиданно молчалив и подавлен. Пообщаться не получилось. Начало штурма было намечено через два дня.

После возвращения от командиров я пошёл в столовую. Своей у нас в отряде не было, ходили к соседям в РМО (рота матобеспечения). Недалеко, через лесок по тропинке. Хорошо пройти по лесу в одиночестве — покойно, радостно. Только ты и деревья, да лёгкий ветерок в кронах шумит. На войне в цене любая минута, что позволяет отключиться, забыть, а лес — как раз такое место. Столовая наша — обычный "блин", три стола под клёнкой и повар-узбек. Утром каша, на обед и ужин — тушёнка с гарниром и армейский салат — свежий лук вприкуску. Иногда сок или молоко в пакетиках. Нормально. Из необычного — только современная "икона" в красном углу, из которой круглосуточно вещают новости. Вот и сейчас какой-то тщедушный очкарик с европейским загаром и странной фамилией рассказывает о достижениях доблестной

армии. Сыт по горло! Но спасибо, накормили! На обратной дороге встречаю Струну. Когда накануне возвращались в лагерь, в машине Алексей опять выглядел подавленным, всё молчал. Я рад встрече.

— Струна, здорово, как ты?!.. Тебя не узнать, чё такой сумровой ходишь?!

— Страшно мне, братец... Очень страшно!

От неожиданности я даже не нашёлся, что сказать. Лёшка стоял, потупив взор, помолчал немного и ушёл. Мне стало жаль его, чем тут помочь?! Мы все здесь в одной лодке. Ладно, думаю, всако бывает. Ничего, отойдёт, оправится.

Через два дня штурм, а накануне моя нога покраснела, опухла и стала деревянной. Было больно ходить, и появился неприятный запах. Это значит — антибиотики не помогли, и осколок от "кассеты" загноился. Это значит, что на БЗ я не иду. Мои орлы огорчились, что командира не будет рядом. Я испытывал смешанные чувства — переживал за ребят и в то же время чувствовал облегчение. На последнем БЗ меня здорово потрепало, — нога гниёт, ухо не слышит — зря отказал от госпитализации.

Утром накануне штурма всё готово. Оружие начищено и проверено, рд-шки собраны. У каждой группы своё задание, свой сектор для "работы". Поступает команда на отправку. Вывожу парней на полянку перед "блином", встаём вокруг на колено. Читаю молитвы вслух, прошу защиты и небесного покровительства для ребят. Наша маленькая литургия пронзительна по своей чистоте и искренности, она навсегда останется у меня в памяти. Наверное, именно такие моменты оправдывают годы малодушия и обывательской бездеятельности. Надеюсь, что это так. Надеюсь... Парни грузятся на БТР. Всё чётко, слаженно, как отработывали на полигоне. Ревёт мотор, и они растворяются в клубах пыли. Крестное знамение и молитва в дорогу... Работайте, братья!

Тягостно ожидание новостей. Хорошо, что мне надо в Старобельск за гуманитарным грузом, который собрали друзья по лётной школе, бывшие коллеги и читатели газеты "Завтра". Да ещё ребята оставили кучу поручений: снять денег в банке, купить форму и тельное, пауэр-банки, лекарства, камеры для

мотоцикла, два ящика энергетика и планшет для штаба. Ничего не забыть бы... В Старобельске непривычнолюдно. Маленький город живёт полной жизнью. Шумит городской рынок, по пыльным улицам с рёвом проежают частые армейские грузовики. Громко и надрывно воет сирена, предупреждая об опасности воздушной атаки, но люди так привыкли, что совершенно не обращают на неё внимания. В банкемате длинная очередь. Меня, человека в форме, пропускают вперёд, но, несмотря на сильную боль в ноге, отказываюсь. В дома этих людей и так пришло несчастье, незачем усугублять это своими неуместными привилегиями. С удовольствием захожу в магазин, аптеку, на рынок. После штурмов всё это кажется нереальным, несостоящим. Как будто заснул или, наоборот, проснулся. Не смог устоять и зашёл подстричься в местную парикмахерскую.

Вот и приехали друзья из столицы, привезли гуманитарку: РЭБ от концерна "Калашников", "Мавик Про", коробку нефопама в ампулах, радиостанции, медицинские, сапоги-"пенки" на зиму, маскировочные сети и многое другое. И радостно их видеть, и всё же грустно. Понимаю, что теперь мы принадлежим к разным мирам, и ничто не сможет это исправить. Между нами пролегла незримая, но непреодолимая граница. И выдают их глаза. В них слишком мало страха и боли. Это значит, что они не видели войну по-настоящему. Это значит, что мы уже никогда не сможем принять и почувствовать друг друга до конца, до полной душевной близости, родства, что так важно сердцу русскому. Тем, кто останется в живых, придётся учиться жить заново с этими "другими" людьми, в ставшем "чужим" обществе. Встречать их на улице и в магазине, водить детей в одну школу и даже ходить на работу. Но это будет потом, и, наверное, в другое время, в другой стране. А пока... После обеда вернулся в лагерь, выгрузился и бегом в штаб отряда.

— Ну что там?! Новости есть? — БТР с твоими парнями при заезде попал под "Град". Все погибли...

Перед глазами появилась пелена, пошатнуло. Через минуту взял себя в руки.

— Кто был мехвод? — Струна...

Антон ТРЕТЬЯКОВ

УРОКИ СПЕЦНАЗА

Репортаж из тактического городка в Чечне

В ДЕВЯТЬ ЧАСОВ утра нашей группе надлежало прибыть в тактический городок, в аудиторию номер четыре. От гостиницы до места занятий наш путь пролегал вниз, мимо убранных поля и сливовых деревьев. Под ногами прыгала вездесущая саранча, весьма крупная. С ВПП, что сразу за гостиницей, взлетел аккуратный двухмоторный двухкилевой Ан-38 белого цвета и стал резво набирать высоту. Мы спустились с вала по трапу, потом прошли в арку и вышли в нужном направлении.

Последний раз я был в университете в 2022 году на курсе "Боец-спасатель". С аркой у меня лично связаны весьма эмоциональные переживания: после длинного марш-броска с "водными процедурами" в реке Белке инструктор заставил нас поочерёдно тащить на закорках своего товарища. Несли друг друга долго, меняясь каждые двести метров. Наконец мы дошли до стрелкового направления 200 м, где нам предстояло наложить на ногу турникет и ползком преодолеть джентрису. Чтобы не было скучно, инструкторы закрепи дымовые шашки и подбадривали ползущих выстрелами из личного оружия по дальним гонгам. Начался дождь. Из последних сил каж-

На последней парте стояла кофемашина, в аудиторию принесли бумажные стаканчики, и жить стало веселее. Первая половина дня прошла оживлённо: отработывали пальцевые прижатия друг на друге и на инструкторе. Народу было немного, поэтому можно было не церемониться. Пальцевое прижатие помогает решить множество задач, главная из которых — выиграть время, пока мы готовим турникет или жгут или пока к нам спешит тот, у кого они есть. Желая показать, каким образом можно долго предотвращать потерю крови при ранении, например, в салоне едущего на большой скорости автомобиля, "Апач" продемонстрировал алгоритм на Серёге с позывным "Бизон", который честно имитировал тряску автомобиля, ёрзая на собственном стуле и стараясь убежать. Поединок закончился тем, что стул не выдержал и ножки с левой стороны подломились. Пульсоксиметр, закреплённый на пальце Серёгиной руки, показывал отсутствие пульса.

После того как мы освоили пальцевое прижатие, приступили к повторению алгоритма работы с турникетами. Методика их наложения в университете спецназа претерпела некоторые

полненного водой по циклотку, стояли остовы двух сгоревших легковых машин. Чуть дальше, у надземного перехода, стоял стрелчатый микроавтобус белого цвета с надписью "СОБР". Внутри автобуса лежали манекены. Один из них, в джинсах и бронезилете, валялся рядом с пассажирской дверью.

Дверная ручка в "Не баре" была в форме автомата. В заведении была комфортазная атмосфера. Деревянные столешницы водружены на простеленные бочки, подсвеченные изнутри лампочками. У входа — пулемёт максим. Стены украшены очень реалистичными рисунками, изображающими сотрудников университета на полигоне. За стойкой — доброжелательные сотрудники. На втором этаже тоже был зал, только с бильярдом. Еда в основном состояла из мяса и овощей и стоила недорого. Из напитков была различная газировка, чай, минеральная вода. Самое то, чтобы утолить голод и жажду. Мы взяли по кебабу в тесте и по бутылочке воды.

В бар зашла шумная толпа иностранцев в чёрной полицейской форме. Разговаривали на арабском. Ребята оказались командой полицейского спецназа из государства Оман. Всей компанией мы уселись за соседние столы, пододвинув стулья от других столиков. Заморив червячка, мы направились в аудиторию, расстелили там коврики на полу и вздремнули часок до начала стрелковых занятий. Ровно в 14:00 появился "Тага" с цинком патронов 5,45х39. Мы надели боевые пояса, броники, повесили на шею ремни карабинов, взяли мишени, дырокол, мушкетеры и пошли в галерею номер восемь.

Первое занятие было посвящено приведению прицельных приспособлений оружия к нормальному бою. Убедившись, что все чтут правила безопасности и умеют уверенно обращаться с оружием, "Тага" с помощью мушкетера сбил мушкетера на наших карабинах, отвел их влево или вправо, вверх или вниз. Мы зарядили по 15 патронов в магазин, легли в линию и сделали по три выстрела в мишени на 25 м, каждый в свою. У нас было полчаса, чтобы привести своё оружие к нормальному бою. Справились.

Вторая часть задания была легче. Иса сходил в оружейку и принёс каждому по коллиматорному прицелу марки "Холосан". Необходимо было установить прицелы так, как удобно каждому, и тоже настроить их. У кого-то вышло быстро, а некоторые столкнулись с затруднениями. "Тага" принёс бинокль, чтобы каждый раз не ходить к мишеням. Однако бегать, чтобы отметить попадания, всё равно приходилось.

После того как каждый из своего карабина уверенно попадал в круг диаметром с яблоко на листе А4 на 25 метрах, мы зарядили три магазина по 10 патронов и приступили к разучиванию базовых стрелковых упражнений — основных положений для стрельбы стоя, с колена и лёжа. Стреляли не спеша, контролируя друг друга. Особо не стеснялись и во всё горло орали "под огнём", когда собирались начать стрельбу, и "стоп огонь, люди в поле", когда заканчивали её и шли к мишеням. В галерею пару раз заходили оманцы, интересовались устройством с гонгами из броневой стали. Оманские сотрудники приехали в университет, чтобы хорошенько подготовиться к чемпионату.

На плац перед галереями выехал бронетранспортёр. Между бронемашиной и направлениями для стрельбы проходила полоса препятствий: две стенки, панель для проползания на брюхе и огромная стальная дверь напротив входа в галерею.

— Это упражнение завтра будем проходить на время! — сказал Иса, увидев, что все заинтересовались декорациями. — Можете сегодня каждый по два раза пройти налегке без оружия. Завтра будем делать с оружием и в броне.

Первым вызвался проходить полосу я. Солнце всё ещё прилепало, и я решил как можно быстрее выполнить упражнение и спрятаться в тень. Старт

был от входа в галерею. Я пробежал стометровку до первой стенки зелёного цвета и без проблем перелез через неё. Потом быстрым шагом дошёл до второй стенки и тоже её преодолел. Со второй попытки занернул в "волчатник" и прополз там на брюхе, вывалившись наружу прямо перед дверью. Дверь удерживалась на магнитах в закрытом состоянии, поэтому её надо было отворить ногой. Открыл её с ходу и пробежал в галерею, в квадрат из реек красного цвета. Там было необходимо зарядить карабин и поразить две мишени, каждую пятью выстрелами. Все прошли полосу по два раза.

Мимо нашей галереи пробежала пара оманцев в чёрной форме, зелёных бронеках и с карабинами М4.

— Может, пройдем полосу в поясах и со стрельбой? — поинтересовался Роман, наш третий участник.

Иса не заставил себя долго ждать с ответом: — Зарядить по пять патронов в два магазина! Первый номер на старт!

Было несколько труднее бежать с оружием, сложнее было поначалу и перелезать: карабин немного мешал, ударяясь о стенки или задевая ДТК (дульный тормоз-компенсатор. — Ред.) за доски волчатника. Однако со стрельбой мы показали время лучше, чем без неё.

Пробили пять часов. Мы забрали наше барахло и занесли в аудиторию. Карабины, патроны и лишнее снаряжение оставили там же. Код от двери нам был известен, но в университете спецназа никто ничего чужого отродясь не брал, поэтому в учебных классах они не закрывались. Зашли в бар, съели по кебабу, запили зелёным чаем, сыграли пару партий в бильярд, после чего вернулись в аудиторию, нацепили пояса и броню, взяли разряженное оружие без магазинов и отправились в местечко над озером, где стояла трофейная бронетехника. Нам предстояло заняться самоподготовкой.

Она заключалась в том, чтобы освесить в памяти протокол наложения турникета в броневику на раненую конечность. Два человека сядились в бронемашину: первый на место водителя, второй — на место штурмана или стрелка. Третий товарищ стоял снаружи, называя, у кого какая часть тела ранена, и следил, чтобы не филонили. По окончании проверял компрессию.

Первым транспортным средством для наших тренировок мы выбрали трофейный броневик-автомобиль (MRAP) "Кугуар". В умелых руках это очень неплохая машина, с прекрасной защитой. "Бизон" притулится за рулём, я пополз в башню и развернул её по курсу машины. Роман сообщил нам, что машина подорвана и обездвижена, у "Бизона" ранена левая нога, а я получил ранение в руку. Нам предстояло покинуть броневику, отползти от него подальше и остановить кровь турникетами. Вечерело. Жара стала постепенно спадать. Мы менялись местами, придумывая друг для друга различные критические ситуации.

В восемь часов запрыгнули в одну из служебных машин университета, завели её и поехали в аудиторию. Надо сказать, что на территории учебного заведения действует правило: двери у машин не закрываются. Если кому-то надо быстро доехать из пункта "А" в пункт "Б", человек просто берёт машину, едет, куда ему надо, после чего сообщает инструктору, куда поставил автомобиль или багги. По прошлым посещениям РУС я знал, что узик-пикап базируется akurat перед нашими классами, поэтому можно никому не сообщать. Насквозь мокрые броню и пояса поставили сушиться к стене аудитории, а боевые рубашки накинuli на плечики и повесили их на кронштейн кондиционера.

На обратном пути термобельё высохло. Мы погладили котов, что лежали и млели на лестнице гостиницы, и окупились в прохладе вестибюля. За столами в фойе сидели спортсмены-парашютисты, столы у окна занимали наши новые знакомцы из Омана. В гостинице стоял холодильник, где каждый брал всё, что душа пожелает. Деньги за вкусняшки люди просто оставляли в прозрачном файлике, который был прикреплён к двери.

Около часа заняли приготовления ко сну — душ, питьё минералки, развешивание одежды. Постояв на балконе под звёздами минут сорок, мы завалились спать. С утра предстояли интенсивные занятия.

Константин КАНТ

фото автора